

Как было установлено трудами А. А. Шахматова, в составе „Повести временных лет“, прошедшей после ее создания печерским летописцем Нестором около 1113 г. еще две дополнительные редакции (в 1116 и 1118 гг.), достаточно отчетливо прослеживаются три более ранних этапа летописной работы в Киеве. Древнейший пласт, вскрытый А. А. Шахматовым и названный им условно „Древнейшим Киевским сводом“, составленный в конце 30-х годов XI в., является, по признанию более поздних исследователей, наиболее слабым звеном всей концепции Шахматова. Именно этот древнейший пласт киевского летописания получил несколько позже глубоко ошибочную историческую трактовку в трудах М. Д. Приселкова, пытавшегося доказать, что Древнейший Киевский свод 1037—1039 годов представлял собой нечто вроде докладной записки, составленной киевской митрополией, находившейся в руках греков, в Константинополь.¹

Совершенно новое понимание, решительно отличавшееся и от концепции А. А. Шахматова и тем более от трактовки М. Д. Приселкова, выдвинул в ряде своих работ по летописанию Д. С. Лихачев. Утверждая, что он лишь „продолжил наблюдения А. А. Шахматова“, внося в них „некоторые поправки“,² Д. С. Лихачев в сущности разрушил как фикцию реконструированный А. А. Шахматовым „Древнейший свод“. Труды Д. С. Лихачева установлено, что свод 1037—1039 годов „отличается не большей цельностью, чем и сама «Повесть временных лет»“,³ что не только вставки, переделки и дополнения, но и соединение идейно и стилистически разнородного материала характеризуют „Древнейший свод“.

Расслоив „Древнейший свод“ А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев доказал, что древнейшим пластом киевского летописания — „первым произведением по русской истории“ (как называл его сам автор, заменив термин А. А. Шахматова „Древнейший летописный свод“), было составленное при Ярославе „Сказание о распространении христианства на Руси“. Д. С. Лихачевым была глубоко раскрыта идейная и стилистическая основа этого произведения, вызванного подъемом политического самосознания русского народа и тесно связанного с другими явлениями литературы и всей культуры эпохи Ярослава Мудрого.⁴

Это „первое произведение по русской истории“, понимавшееся как церковная история по преимуществу, получило дальнейшее продолжение и развитие в деятельности печерских монахов — летописцев с начала 60-х годов XI века. После водворения в Киеве митрополита-грека, сменившего митрополита Илариона, летописная работа была продолжена в Киево-Печерском монастыре. Здесь первоначальное „Сказание о распространении христианства на Руси“ получает дополнения, касающиеся светской, по преимуществу военной, истории Руси; здесь были введены в летопись народные сказания о первых русских князьях, о победах русского оружия и в значительной мере события из жизни самого Печерского монастыря; здесь же в летописании впервые был применен хронологический принцип изложения по годовым статьям. По словам Д. С. Лихачева, „первое русское историческое произведение, созданное при Ярославе Мудром, разрастаясь добавлениями, сделанными

¹ М. Д. Приселков: 1) История..., стр. 26—27; 2) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 82.

² Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 75.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 62—76.